

обл.), «зарю акликать» (хоперские казаки), «выть зорю» (Пермская губ.) и др. Он всегда исполнялся на вечерней или утренней заре и на просторе: среди широкой улицы, за околицей, на крыше дома. К XX в. его содержание сильно изменилось, но осталось название, сохранившее ритуально-архетипический пласт представлений, ассоциировавших человека с природой. В данном обычае невеста как бы «выставлялась» на рдяный цвет зари, что, по-видимому, должно было, согласно архаичным представлениям, усилить ее детородные качества и чисто женские способности к материнству и общению с водными источниками, растительным и животным миром.

⁴⁸ Записано от А.С. Лазуты, 1907 г.р., д. Сиверсты Великолукского р-на.

⁴⁹ Подробнее см.: Бушкевич С.П., Страхов А.Б. Восточнославянский «красный траур» по данным фольклора и погребальной обрядности // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд. М., 1985. С. 19–21; Раденкович Л. Символика цвета в славянских заговорах // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. М., 1989. С. 122–148.

⁵⁰ Такие традиции были зафиксированы этнографом И.А. Кремлевой у староверов Нижегородского Заволжья и Пермской обл. Во время этнографической работы ей встретилась обмывальщица, которая надевала красный фартук каждый раз, когда шла к умершему «обмыть и снарядить в последний путь» (экспедиции в Нижегородское Заволжье в 1972–1974 гг.). Траурным считается красный цвет в с. Юм Юрлинского р-на Пермской обл.: здесь женщины одеваются во все красное на похороны и все поминальные дни, в том числе если необходимо спровести погребально-поминальный ритуал в другом селе. (Личный архив И.А. Кремлевой. 1985 г.). Я искренне благодарна И.А. Кремлевой за предоставленные материалы, которые, к сожалению, еще не были опубликованы.

⁵¹ Например, свершалось таинство венчания перед известной по множеству публикаций деревянной скульптурой Параскевы Пятницы из пермского села Ныроб. На белом плате Параскевы, укрывающей голову, и белом оплечье нанесен не просто «мелкий красный узор» (Масленицын С.И. Русская деревянная скульптура. М., 1994. С. 269), а идеограммы, с помощью которых были зашифрованы заговоры на брак, здоровье, плодородие и жизнь.

⁵² См., напр.: Сидоров А.С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Л., 1928.

⁵³ Ф.И. Тютчев. «29-ое января 1837». Цит. по: Тютчев Ф.И. Лирика (сер. «Литературные памятники»). Т. I. М., 1965. С. 88.

L.A. T u l t z e v a. «Three tear droplets on a bunch of rays...» (at attempt at reconstructing one of Pushkin's notions of the «dear old times»)

In the past there was a custom among the Russians of crying over flowers during the time of the church trinity service. The flowers to be mourned upon are described poetically by A.S. Pushkin as «a bunch of rays (of the morning sun)». The article is an attempt to use the available field data of ethnography and an analysis of literary sources to track the area of distribution and purposes of the said custom.

© 1999 г., ЭО, № 3

Л.Н. П у ш к а р е в

НЕОКОНЧЕННЫЕ СПОРЫ ВОКРУГ
ОБРАЗА РУСЛАНА

180 лет назад молодой Пушкин начал свою первую большую поэму «Руслан и Людмила», и вот уже более 150 лет в нашей литературе не утихают споры вокруг ее центрального образа – Руслана. «Автору было двадцать лет от роду, когда кончил он Руслана и Людмилу. Он начал свою поэму, будучи еще воспитанником Царско-сельского лицея, и продолжал ее среди самой рассеянной жизни!», – такими словами А.С. Пушкин начал свое предисловие ко второму изданию поэмы в 1828 г. Ее первое издание, вышедшее в 1820 г., вызвало, как известно, оживленные отклики в журналах

того времени. При этом некоторые критики приняли первую поэму молодого автора с энтузиазмом, а литературные «староверы», наоборот, ожесточенно поносили ее новаторский стиль: отношения между автором поэмы и читателем были далеки от классицизма и предполагали интимное общение «рассказчика» и «слушателя». Уже в это время А.С. Пушкин начал отходить от романтического идеала народности к историзму художественного мышления, стремясь раскрыть ту «особенную физиономию [народа], которая более или менее отражается в зеркале поэзии»².

Оставим общий анализ художественных достоинств и недостатков этой поэмы: она уже достаточно изучена с этой стороны и критиками, особенно В.Г. Белинским, и литературоведами (Б.Л. Модзалевский, Б.С. Мейлах, М.А. Цявловский и др.). Остановимся на интересующем нас вопросе: каково происхождение ее центрального образа – Руслана?

Первым по этому вопросу высказался рецензент журнала «Вестник Европы», скрывшийся под псевдонимом «Житель Бутырской слободы». Сейчас уже установлено, что это был критик и теоретик литературы А.Г. Глаголев³. Прочитав в журнале «Сын Отечества» (1820. № 15–16) отрывок из новой поэмы «неизвестного поэта» (т.е. А.С. Пушкина), рецензент сразу же определил, что она написана в подражание Еруслану Лазаревичу. Были ли у него основания для такого утверждения? Был ли образ этого сказочного героя настолько популярным в то время, чтобы стать прототипом образа Руслана?

Да, такие основания имелись. Образ Еруслана, действительно, был весьма популярен в начале XIX в. Как известно, сказка о Еруслане Лазаревиче пришла на Русь с Востока в устной форме, в течение двух веков бытовала в рукописной традиции, затем перешла в сказочные сборники XVIII в., в лубочный лист и лубочную книжку и до наших дней продолжает бытывать в виде богатырской былины и волшебной сказки⁴. В XVIII в. этот сюжет достиг пика своей популярности: основная масса списков повести (13 и 17) относится как раз ко второй половине XVIII в. Сказочные мотивы, характерные для данной повести, встречаются и у других авторов XVIII в. Так, мотив богатырской головы (использованный А.С. Пушкиным в «Руслане и Людмиле») имеется в «Пересмешнике» М.Д. Чулкова («Приключения Роксолановых» и «История Славурана»); мотив змеиной исцеляющей желчи – в «Русских сказках» В.А. Лёвшина («Повесть о дворянине Заолешанине»); мотив поездки за родительским благословением – в «Повести о российском матросе Василии Кориотском» и т.д. Само имя Еруслан (в транскрипции XVIII в. – Яруслан) постепенно становится нарицательным именем русского богатыря. Так, в комедии Екатерины II «Горе-богатырь Косометович» упоминается «шишак Яруслана Лазаревича»⁵. Убедительное свидетельство популярности образа Еруслана как нарицательного имени воина-богатыря мы находим у И. Новикова: «Сия бедненькая, отроду из воинских людей никого не видавши, почла ево Ерусланом Лазаричем, потому что был в особылом платье и на большой лошади»⁶. Характерные для повести о Еруслане Лазаревиче мотивы мы встречаем в рукописных повестях XVIII в. (этот тема уже освещалась в нашей историографии)⁷.

Образ Еруслана Лазаревича был популярен не только среди демократических читателей и писателей типа Д.М. Чулкова, В.А. Лёвшина, М.О. Эмина и др. Дворянские писатели тоже нередко упоминали об этом герое народных сказок, однако совсем в другом плане. Они видели в нем образ иного, уже чуждого и пережитого ими мира. К концу XVIII в. новая русская литература шагнула далеко вперед. Простота, безыскусственность, бесхитростность повествования и прямолинейность рукописных повестей перестали удовлетворять запросы нового поколения русских читателей, воспитанных либо на «высоком штиле» классицизма, либо на слезливой мечтательности сентиментализма. А образный язык древнерусских повестей и народных сказок стал казаться столичным дворянам «подлым», «низким», «грубым»⁸. Так, А. Измайлов назвал сказку о Еруслане «нелепой»⁹. В.И. Лукин упоминает о «худшем слоге» сказки о Еруслане¹⁰. Интересный отзыв мы встречаем в «Предуведомлении» к «Новейшему повествовательному землеописанию» (СПб., 1795. С. IX). Он содержит опровержение

тех обидных «для российского народа мнений, якобы оный больше влечения имеет к чтению поглощающих ум и благонравие растилающих книг, каковы: Фоблазы, Гостиные сыны, Два турка, Родственники Магометовы, Новые Алоизы, Кандиды, Вертеры, Поизмятые розы, Советдралы, глупые и невкусные площадные сказки о Бовах и Ерусланах и сим подобных»¹¹. «Враками» называл сказку о Еруслане и переводчик книги Э. Прево «Филозоф англинской» С. Порошин¹². Писатели-дворяне вообще упоминают о Бове и Еруслане не иначе как с презрением и негодованием¹³, считая, что ими увлекаются лишь в детском возрасте¹⁴.

Казалось, что эта сказка отжила свой век, перестала быть явлением духовной культуры конца XVIII – начала XIX в. Однако это не так. Благодаря тому, что повесть о Еруслане Лазаревиче была органически связана с устной, рукописной, лубочной и печатной традициями, Еруслан продолжал оставаться одним из самых любимых народом литературных героев. И сама повесть, и ее центральный образ были известны всем – от полуграмотного крестьянина до придворного щеголя. Рукописные повести, сказочные сборники, лубочные картинки, книжки о Еруслане и в начале XIX в. продолжали храниться в домашних библиотеках многих дворянских усадеб. Имя Еруслана было у всех на слуху.

Мы располагаем неопровергими свидетельствами о знакомстве А.С. Пушкина с лубочными и литературными сказками. В библиотеке его отца и в собственной его библиотеке было немало сказочных сборников XVIII в., откуда он мог взять так поразивший его воображение эпизод с богатырской головой¹⁵. В произведениях самого поэта и оставшемся после него архиве мы встречаем упоминания о Бове («Сон». 1816 г.). В кишиневских бумагах А.С. Пушкина сохранилась конспективная запись плана поэмы «Владимир», в которой мы читаем: «Хазарский князь колдун, меч Еруслана о двух ударах, колдун убит Мстиславом»¹⁶. В послании к Н.И. Гнедичу «С Гомером долго ты беседовал один» А.С. Пушкин так писал о поэте:

Таков прямой поэт. Он сетует душой
На пышных играх Мельпомены
И улыбается забаве площадной
И вольности лубочной сцены.
То Рим его зовет, то гордый Илион,
То скалы старца Оссиана,
И с дивной легкостью меж тем летает он
Вослед Бовы иль Еруслана¹⁷.

Поэтому неслучайно современники поэта очень живо ощущали зависимость его поэмы от лубочной сказки. Вот что писал М.Н. Макаров в 1840 г.: «Родится новый Пушкин и, может быть, споет когда-нибудь хорошую песенку про Гаденовича: такую же, как наш прежний Пушкин пел об Еруслане да об Людмиле»¹⁸. Показательно, что автор даже изменил имя пушкинского *Руслана* на *Еруслана*.

В дальнейшем издатели сочинений Пушкина и литературоведы стали говорить вообще о влиянии сказок и богатырского эпоса на поэму¹⁹, не отказываясь, правда, и от попыток прямо указывать на конкретный источник. Так, Л.И. Поливанов, отметив, что «целый эпизод с головою есть распространенная переделка подобной же сцены в сказке о Еруслане Лазаревиче»²⁰, сравнивал его с рукописным текстом повести о Еруслане Лазаревиче в издании Н.С. Тихонравова. Мнение Л.И. Поливанова поддержал П.Н. Шеффер. «Сопоставлять "Руслана и Людмилу" и "Еруслана Лазаревича", – писал он, – несомненно, есть основания»²¹. Но П.Н. Шеффер совершенно справедливо полагал, что поэму надо сравнивать не с рукописным вариантом повести, а с текстом сборника «Лекарство от задумчивости и бессонницы или настоящие русские сказки» (издание 1796 г.), который хранился в библиотеке отца Пушкина. Д.Д. Благой также говорит о связи поэмы со сказкой, но не с лубочным вариантом, а с устным: «Действительно, эпизод встречи с богатырской головой заимствован Пушкиным из сказки о Еруслане (видимо, ею же подсказано и имя героя – *Руслан*)».

которую он еще в детские годы слушал от няни»²². Однако никаких данных, что Арина Родионовна рассказывала юному А.С. Пушкину сказку именно про Еруслана, у нас пока нет. Поэтому мнение Д.Д. Благого остается гипотезой, которую еще надо доказать. Сходное предположение некоторое время спустя высказал и Р.М. Волков: «Пушкин, создавая "Руслана", обращается именно к "простонародной" сказке, и прежде всего к лубочной народной книге "О Еруслане Лазаревиче" (откуда взят им эпизод о живой богатырской голове)»²³.

Этими высказываниями и ограничиваются мнения о прямом влиянии сказки о Еруслане на поэму А.С. Пушкина, причем все они основываются на эпизоде с богатырской головой. Остановимся на нем подробнее.

Мотив богатырской головы, охраняющей меч, – один из весьма распространенных в волшебно-рыцарских романах XVIII в. Он пользовался популярностью, потому что обладал большими потенциальными возможностями применения в сказочном сюжете и к тому же был тесно связан с другими художественными элементами волшебно-рыцарского романа. Во-первых, этот мотив входит в большую группу мотивов, которую можно назвать «добытием рыцарем оружия» – меча, копья, щита и пр. Богатырская голова охраняет волшебный меч. Во-вторых, это возможное сближение с группой мотивов «бранные останки, вызывающие мысль о смерти». В-третьих, здесь прослеживается связь с мотивом «говорящая голова-предсказательница». Все эти мотивы часто встречаются во многих сентиментальных и преромантических повестях и романах, в сказках и рассказах конца XVIII – начала XIX в.²⁴

Следовательно, эпизод с богатырской головой – достояние отнюдь не одной только сказки о Еруслане Лазаревиче. Он встречается в разных вариантах и в других волшебно-рыцарских романах и литературных сказках. Уже одно это свидетельствует о том, что древнерусская рукописная повесть не может служить единственным источником, который мог использовать А.С. Пушкин. Многочисленные сказочные мотивы поэмы вполне могли быть усвоены им просто из общерусской сказочной традиции. Поэтому гораздо более убедительны предположения тех исследователей, которые подчеркивали связь поэмы А.С. Пушкина с литературной сказочной традицией XVIII в. На это указывали П.В. Владимиров и В.В. Сиповский²⁵, сходные мысли высказывали и многие позднейшие авторы²⁶. Бесспорных доказательств прямого влияния сюжета о Еруслане на поэму А.С. Пушкина у нас нет.

Даже само имя «Руслан», вызвавшее гнев и насмешки критиков-ретроградов, могло иметь совсем иное происхождение. Как известно, термин *ros/rus*, лежащий в основе этого имени, с незапамятных времен традиционно связывался с этонимом *русские*²⁷. А.С. Пушкин мог избрать это имя (равно как и имя Людмила) даже из-за его звучания, которое в наибольшей степени выражало русский национальный характер героя, тот самый «русский дух», о котором он писал позднее в своем вступлении в поэму. Именно так и был воспринят герой этой «сказки в русско-народном духе и притом написанной прекрасными стихами»²⁸, а ее автор надолго приобрел почетный титул «певца Руслана». Вспомним строки В.К. Кюхельбекера:

И ты, наш юный Корифей,
Певец любви, певец Руслана...²⁹

Да и сам Пушкин пять лет спустя в первой главе «Евгения Онегина» уже во второй строфе обращается к «друзьям Людмилы и Руслана», желая познакомить читателя с героем своего романа. Высокую оценку новой поэме дал В.А. Жуковский, с которым А.С. Пушкин вступил в негласное поэтическое соревнование. После выхода ее в свет признанный мастер в разработке фантастических сюжетов В.А. Жуковский подарил А.С. Пушкину свой портрет с надписью: «Победителю-ученику от побежденного учителя в тот высоко торжественный день, в который он окончил свою поэму "Руслан и Людмила"»³⁰.

Итак, исторические корни образа Руслана – не в древнерусской рукописной повести, не в каком-либо конкретном предшествовавшем сюжете, а в тех поисках образа рус-

ского национального героя, которыми была полна литература, поэзия, да и вся общественная жизнь и мысль России в период между победоносным окончанием Отечественной войны 1812 г. и восстанием декабристов в 1825 г. Подъем национально-исторического самосознания в это время выразился в стремлении создать свой славянский Олимп, свой рыцарский орден во главе со св. князем Владимиром, найти и поднять на пьедестал своего общенационального героя. Неслучайно именно в это время, в 1818 г. в Москве на Красной площади был воздвигнут памятник К. Минину и Д.М. Пожарскому скульптора И.П. Мартоса (а в 1826 г. в Нижнем Новгороде – памятник К. Минину скульптора А.И. Мельникова), героям освобождения России от иноземных захватчиков в начале XVII в. В это же время Еруслан начинает восприниматься как русский, национальный (чуть ли не исторический) герой, как образец русского национального духа.

Неожиданное подтверждение этому предположению мы находим в лубке. Вскоре после того, как был установлен памятник Минину и Пожарскому, в продаже появился лубочный лист. На нем был изображен памятник Мартоса, вокруг него – любопытствующий народ, под ним – текст:

«– Глянь-ка, Пантюха! Вон это, на большом камне-то стоит, не Росланей ли богатырь? Не царь ли Огненный щит Пламенное копье?

– Э, брат Сидорка, уж ты к Еруслану заехал, – Лазаревича запел³¹! Это, – вишь ты! – Памятник богатырям русским, которые спасли Русь от поляков!»³². Как выразительно в этом лубке сопоставление освободителей Русской земли с богатырем Ерусланом, так часто выступавшим в роли героя-освободителя.

Добавим к этому, что обобщающую силу образа Еруслана Лазаревича высоко ценили писатели первой половины XIX в., и среди них М.Ю. Лермонтов. У России нет прошедшего, она вся в настоящем и будущем. Сказывается и сказка: Еруслан Лазаревич сидел сиднем 20 лет и спал крепко, но на 21 году проснулся от тяжкого сна и встал, и пошел, и встретил он тридцать семь королей и 70 богатырей, и побил их, и сел над ними царствовать... Такова Россия»³³, – читаем мы в записной книжке М.Ю. Лермонтова.

Высказывание во многих отношениях интересное. Из него видно, что имя Еруслана уже оторвалось от сказочного сюжета: оно впитало в себя черты русского богатыря вообще (и особенно Ильи Муромца) и стало нарицательным термином богатырства. Национальный, русский характер этого образа глубоко прочувствован М.Ю. Лермонтовым: он нашел возможность сравнить Россию с богатырем Ерусланом, терпеливым и медлительным, но неукротимым в потенциальном заложенной в нем силе.

Поиски образа национального героя не ограничивались, конечно, Ерусланом Лазаревичем. Они шли в разных направлениях. Ярче всего это проявилось в поэзии К.Ф. Рылеева («Думы», поэмы «Войнаровский», «Наливайко») и других поэтов-декабристов, прославлявших человека-гражданина, борца за свободу. В поисках этого героя писатели-декабристы обращались то к истории «вольного Новгорода» («Роман и Ольга» А.А. Бестужева), то к героическим страницам русской истории («Мстислав Мстиславич» П.А. Катенина, «Зиновий Богдан Хмельницкий или Освобожденная Малороссия» А.А. Бестужева)³⁴.

Заключая давние и, возможно, еще неоконченные споры вокруг образа Еруслана, можно сказать, что при всей своей сказочности, легкости и игривости, при полном отсутствии в поэме даже намеков на гражданскую тематику «Руслан и Людмила» находится у истоков поиска образа национального героя в новой русской поэзии. Этот образ претерпит в дальнейшем значительные изменения. В каждой исторической обстановке он будет приобретать новые черты. Ведь у каждого времени был и есть свой герой – вспомним «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова... Но именно А.С. Пушкин дал первый толчок этому длительному процессу – возможно, и не желая этого, не думая об этом.

Б.Г. Белинский, бесспорно, был прав, когда оценивал поэму Пушкина как «шальность сильного, еще незрелого таланта»³⁵. Действительно, весь тон поэмы шуточный,

шаловливый. И все же так сложилось, что именно эта поэма, не претендовавшая на своеобразный литературный манифест, стала первым шагом в освобождении русской литературы от громоздкой торжественности классицизма, от условностей сентиментализма и романтизма. Поэма «Руслан и Людмила» открыла нашей новой русской литературе путь к поискам образа русского национального героя.

Примечания

- ¹ Пушкин А.С. Предисловие ко второму изданию поэмы // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Изд. 4-е. Т. 4. Л., 1977. С. 367.
- ² Его же. О народности в литературе // Там же. Т. 7. Л., 1978. С. 28–29.
- ³ Проскурин О.А. Глаголев Андрей Гаврилович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1. А–Г. М., 1989. С. 570–571.
- ⁴ Последняя запись сказки была сделана во время Великой Отечественной войны. См.: Пушкиров Л.Н. По дорогам войны: воспоминания фольклориста-фронтовика. М., 1955. С. 265–279.
- ⁵ Полное собрание сочинений императрицы Екатерины II. Т. 1. СПб., 1893. С. 193.
- ⁶ Новиков Ив. Разные повести и сказки, принадлежащие к похождению Ивана Гостиного сына. Ч. II. СПб., 1786. С. 1.
- ⁷ Пушкиров Л.Н. Литературные обработки повести о Еруслане Лазаревиче в XVIII веке // Древнерусская литература и ее связи с Новым временем. М., 1967. С. 206–236; его же. Сказка о Еруслане Лазаревиче. М., 1980. С. 71–80.
- ⁸ Правда, в российской провинции этого времени еще продолжал сохраняться интерес к древнерусской рукописной повести. См. об этом: Пушкиров Л.Н. Роль русской провинции XVIII – первой половины XIX в. в сохранении древнерусского рукописного наследства // Русская провинция и ее роль в истории государства, общества и развития культуры народа. Ч. 1. Культурный потенциал и духовная жизнь российской провинции. Кострома, 1994. С. 37–41.
- ⁹ Измайлова А. Евгений или Пагубные следствия дурного воспитания и сообщества. Ч. 1. СПб., 1799. С. 82.
- ¹⁰ Сочинения и переводы В.И. Лукина и Б.Е. Ельчанинова. СПб., 1868. С. 11.
- ¹¹ Семенников В. К истории цензуры в Екатерининскую эпоху // Русской библиофил. 1913. № 1. С. 65–66.
- ¹² Филозоф англинской, или Житие Клевеланда. Т. I. СПб., 1760. С. 3.
- ¹³ И то и съо. 1769. Апрель. 16 неделя: Сатирический вестник. 1790. Ч. II. С. 110; Сатиры Антиоха Кантемира. СПб., 1762. С. 163; Собеседник любителей российского слова. Ч. XVI. СПб., 1764. С. 70.
- ¹⁴ Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. I. СПб., 1871. Стб. 150.
- ¹⁵ Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина // Пушкин и его современники. Вып. IX–X. СПб., 1970. № 367; его же. Библиотека Пушкина: новые материалы // Литературное наследство. Т. 16–18. М., 1934. № 591.
- ¹⁶ Якушкин В.Е. Рукописи А.С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее // Русская старина. 1884. № 5. С. 328.
- ¹⁷ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 14 т. Т. 2. М., 1936. С. 160.
- ¹⁸ Макаров М.Н. Русские предания. Кн. 3. М., 1840. С. 15; ср. также: Блонский П. Задачи и методы народной школы // Вестник воспитания. 1916. № 2. С. 7.
- ¹⁹ Незеленов А.И. А.С. Пушкин и его поэзия. СПб., 1882. С. 55.
- ²⁰ Поливанов Л.И. Сочинения А.С. Пушкина с объяснением их и с вводом отзывов критики // Сочинения А.С. Пушкина. Т. 2. М., 1887. С. 12.
- ²¹ Шеффер П.Н. Из заметок о Пушкине. «Руслан и Людмила» // Сб. памяти Л.Н. Майкова. СПб., 1902. С. 510.
- ²² Благой Д.Д. «Руслан и Людмила» Пушкина // Уч. зап. МГУ. Вып. 127. 1948. С. 43–44.
- ²³ Волков Р.М. Народные истоки поэмы-сказки «Руслан и Людмила» А.С. Пушкина // Уч. зап. Черновицкого ун-та. Т. XIV. Львов, 1955. С. 72.
- ²⁴ Сиповский В.В. «Руслан и Людмила» (К литературной истории поэмы) // Пушкин и его современники. Вып. IV. СПб., 1906. С. 59–84.
- ²⁵ Владимиров П.В. Пушкин и его предшественники в русской литературе // Памяти Пушкина. Сб. статей. Киев, 1899. С. 14; Сиповский В.В. Пушкин: жизнь и творчество. СПб., 1907. С. 461–464.
- ²⁶ Давидовский П. Генезис «Песни о купце Калашникове» // Филологические записки. Вып. IV. Воронеж, 1913. С. 426–432; Котляревский Н.А. Литературные направления Александровской эпохи. Пг., 1917. С. 141–142; Шкловский В.В. Матвей Комаров, житель Москвы. Л., 1929. С. 108–109; его же. Чулков и Левшин. Л., 1933. С. 169; Азадовский М.К. «Руслан и Людмила» // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 6 т. Т. VI. Путеводитель по Пушкину. М., 1931. С. 321.

²⁷ См. об этом: Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М.; Л., 1948; Шнирельман В.А. Наука об этногенезе и этнополитика // Историческое познание: традиции и новации. Ижевск, 1993; Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962 и др. Большую зарубежную историографию по этому вопросу см.: Пушкирова Н.Л. Этнография восточных славян в зарубежных исследованиях (1945–1990). СПб., 1997. С. 13–20, 59–63, 124–130, 199–203. Р.М. Волков также считал, что Пушкин произвел имя «Руслан» от слова *Русь*, подчеркнув: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». См.: Волков Р.М. Указ. раб. С. 18.

²⁸ Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина // А.С. Пушкин в русской критике. Сб. статей. Изд. 2-е. М., 1953. С. 199.

²⁹ Кюхельбекер В.К. Стихотворения. М., 1939. С. 57 («Библиотека поэта. Малая серия»).

³⁰ Мейлах Б.С. А.С. Пушкин: очерк жизни и творчества. М.; Л., 1949. С. 37.

³¹ Петь Лазаря – исполнять духовный стих о богатом и Лазаре, традиционно входивший в репертуар «калик перехожих». См.: Михельсон М.И. Русская мысль и речь: свое и чужое. Опыт русской фразеологии // Сб. образных слов и иносказаний в 2 т. Т. 1. М., 1944. С. 499.

³² Государственный Русский музей. Собрание лубков. Инв. номер 7995/1211.

³³ Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч. в 4 т. Т. 4. СПб., 1911. С. 352.

³⁴ См. об этом: Поэты начала XIX в. / Вступ. статья Ю. Лотмана. Л., 1961; Поэты 1820–1830-х гг. (Б-ка поэта) / Вступ. статья Л. Гинзбург. Л., 1961.

³⁵ Белинский В.Г. Указ. раб. С. 200.

L.N. Pushkarev. Unfinished debate over the character of A.S. Pushkin's Ruslan

The poem by A.S. Pushkin «Ruslan and Lyudmila» was one of the first to stimulate the search in the new Russian literature for the image of a national hero. The trend was specifically characteristic of the social thought in Russia during the period from her victory in the Patriotic War of 1812 and the Decembrists' revolt of 1825. At that time the character of A.S. Pushkin's Ruslan was being interpreted as a personification of the Russian national spirit.

© 1999 г., ЭО, № 3

Е.Г. Кагаров

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ А.С. ПУШКИНА¹

Миллер В.Ф., посвятивший специальную статью «Пушкину как поэту-этнографу» (Этнографическое обозрение, 1899), первый осветил со свойственным ему мастерством значение поэта как знатока русского народного быта и творчества и собирателя народных песен и сказок. С тех пор наши представления об «этнографизме» поэзии Пушкина значительно расширились и углубились, особенно в плане изучения источников фольклорных сюжетов великого поэта. В настоящей статье мы остановимся преимущественно на народных обрядах и поверьях, нашедших себе отражение в творчестве Пушкина.

Мы знаем, что Пушкина с раннего детства привлекал фантастический мир народных сказок и поверий, которых он наслушался от своей няни Арины Родионовны. О них он упоминает уже в своем лицейском стихотворении «Сон» (1816), а в 1815 г. он взялся за обработку сказки о Бове, но не закончил ее. Мысль поэта охотно останавливалась на русалках (стихотворение «Русалка», 1819), вилах, вурдалаках, бесах, привидениях и прочих образах народной мифологии; его живо интересовали свадебные обряды, институты кровной мести, побратимства и другие этнографические элементы, и поэт широко воспользовался ими в изображениях картин народного быта русских, горцев Кавказа, западных славян и т.д.